Сергей ПАХОМОВ,
доктор экономических наук

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»

ДОЛГ И УСТАНОВЛЕНИЕ КРЕПОСТНОГО РАБСТВА НА РУСИ

Займы сыграли ведущую роль в окончательном утверждении в средневековой Руси крепостного права. Уже в Русской Правде регулируются отношения с так называемыми закупами, которых можно, очевидно, считать предшественниками русских крепостных крестьян XV–XVI веков. Комментаторами Русской Правды они рассматриваются фактически в качестве кабальных холопов.

Закуп — заемщик, взявший ссуду под обязательство отработать ее и под залог своей личной свободы потерявший эту свободу вплоть до момента отработки займа и процентов. В основе закупничества лежал договор займа, сопровождавшийся самозалогом заемщика, при котором, по воззрениям древних народов, должник рассматривался как вещь, цена которой должна удовлетворять заимодавца[1].

Принципиально этот вид займов не отличался от займов в Древнем Вавилоне под залог личной свободы, а самозалог относится к древнейшим видам залога. Закуп через несколько столетий исчез из упоминания и вместо него появился закладник, через некоторое время уступивший место уже кабальному холопу, а затем крепостному. Займы с заведомо невыполнимыми условиями были основным источником холопства.

Однако существует точка зрения, что закуп — это мелкий земледелец, ушедший под покровительство «сильного человека» через часто притворный договор займа и сохранивший право работы на своем земельном наделе. Это явление, как мы видели, было характерно практически для всех эпох и народов древности и Средневековья, получило оно широкое развитие и на Руси[2].

БЕСПЛАТНАЯ «ПОДМОГА» БЫВАЕТ ТОЛЬКО В МЫШЕЛОВКЕ

Этот процесс продолжился и в период феодальной раздробленности. В Псковской судной грамоте содержится формальная процедура взыскания так называемой «покруты», или «подмоги», — возвратной ссуды от землевладельца крестьянину,

[1] Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. 2-е изд. — Челябинск: Социум, 2004. — С.71.

[2] Правда Русская. Т. II. Комментарии. — М., 1947. — С.439–481. Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. 2-е изд. — Челябинск: Социум, 2004. — С. 86–87.

которая приводила к личной зависимости заемщика от заимодавца. В отличие от других видов договора займа для взыскания «покруты» заимодавец не должен был предоставлять письменного доказательства заключения договора. Достаточно было прибегнуть к «закличу» — объявлению на торгу — в публичном месте точного количества серебра, пшеницы или другого имущества, которое ему должен крестьянин. Долговые обязательства переходили от умершего автоматически к его жене и детям, при этом такой переход мог и не упоминаться в договоре «покруты»[1].

Еще в XV и отчасти в XVI веке русский крестьянин фактически был вольным арендатором чужой земли, свобода которого обеспечивалась правом перехода от одного землевладельца к другому, отношения с землевладельцем оформлялись «договором ряда», по которому крестьянин «подряжался» на работу. Однако такой вольный арендатор, как правило, переходил на чужую землю с пустыми руками, без инвентаря и семенного материала, без средств к существованию, тем более без денег. Осенью, использовавший в Юрьев день право перехода от одного землевладельца к другому, крестьянин обязательно получал от землевладельца «подмогу» и ссуду деньгами, а чаще скотом, семенами, хлебом на прокорм до будущей жатвы. При этом если «подмога» считалась безвозвратной и могла рассматриваться как вид субсидии крестьянину, то ссуда скотом, семенами или деньгами в обязательном порядке подлежала возврату в случае ухода крестьянина к новому землевладельцу[2].

ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЕ ГОСУДАРСТВО И ПОТРЕБНОСТЬ В РАБОЧЕЙ СИЛЕ

Судебник 1497 года, имевший источниками Русскую Правду, Псковскую и Белозерскую судные грамоты, что прослеживается в 27 его статьях, ввел 40 принципиально новых статей и значительно расширил область обязательственного права. Он положил начало процессу ускоренного закрепощения крестьянства в масштабах всего Русского государства, введя в статье 57 уплату крестьянами (в случае использования ими права перехода к другому землевладельцу в Юрьев день) собственнику земли так называемого «пожилого» — определенной суммы денег, определявшей стоимость «двора» крестьянина. Размер стоимости «двора» устанавливался в 1 рубль в полевой местности и полрубля — в лесистой. В зависимости от количества прожитых лет крестьянином на землях феодала надо было платить «от одной четверти двора» до полной стоимости «двора» в случае проживания и работы на земле в течение четырех лет. «Пожилое» платилось вне зависимости от наличия или отсутствия у крестьянина задолженности перед землевладельцем. Причиной введения в Судебник 1497 года статей, закрепощавших крестьянство, явилась резко обострившаяся потребность крупных землевладельцев в постоянных рабочих руках, а также стремление всеми силами ограничить переход крестьян к другим землевладельцам. Выход крестьян из зависимости был ограничен повсеместно в Русском государстве, ранее свободные разряды крестьянского населения прикреплялись к земле.

Заем разделился на два вида: с кабалой и без кабалы. Ужесточались меры наказания за закладничество. Из судебной практики по долговым делам постепенно изживалось «поле» — судебный поединок в доказательство своей правоты, в том числе с участием наемных профессиональных бойцов. В условиях быстро развивавшегося товарного производства в заемных деньгах нуждалось прежде всего дворянство и городское население, поэтому в Судебнике 1550 года требовалось, чтобы уплата по долговым обязательствам осуществлялась, во-первых, с участием высших должностных лиц и, во-вторых, могла производиться в рассрочку. В обязанности судебных органов входило не только оформление соответствующих документов, но и хранение вносимого по частям долга до полной его передачи кредитору.

Впервые в русское законодательство вводилось регулирование кабального холопства, которое существовало в практике с конца XV века. Определялась предельная сумма закабаления в 15 руб., ранее заключенные кабальные соглашения с более высокой суммой подлежали пересмотру по суду. Кабальный холоп мог стать свободным в случае уплаты ссуды по истечении срока кабального соглашения. Допускался досрочный выход крестьянина из кабального соглашения, если им возвращалась ссуда и выплачивались дополнительные 20%. Вводилась норма, предписывающая лицу, взявшему ссуду, выплачивать только проценты по ней в де-

В УСЛОВИЯХ БЫСТРО РАЗВИВАВШЕГОСЯ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЗАЕМНЫХ ДЕНЬГАХ НУЖДАЛОСЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ДВОРЯНСТВО И ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

[1] Российское законодательство X–XX веков. В 9 т./ Под ред. О.И. Чистякова/ Законодательство Древней Руси. — Том 1. — С. 365–366, 375.

[2] Ключевский В.О. Сочинения. — Т.1. — М., 1987. — С. 282–284.

нежной форме, заимодавцу запрещалось требовать от кабального холопа работы «за рост». В случае нарушения этой нормы холоп освобождался, а заимодавец терял право требования по ссуде. В Судебнике 1550 года был увеличен размер «пожилого», что еще больше усилило прикрепление крестьян к земле. В это время и в русский язык прочно вошло заимствованное из еврейского языка слово «кабала», которым обозначалось «заемное письмо», юридически оформлявшее заклад личного труда и свободы в обмен на ссуду[1]. По другой версии «кабала» — термин, пришедший из арабского языка и означавший просто долговую расписку. Зависимость человека, выдавшего на себя «кабалу», являлась следствием полученной ссуды или займа. Кабала могла иметь и характер обыкновенного заемного обязательства с уплатой процентов деньгами, а не трудом. Холопство, как и крепостное состояние, вытекало из ссуды как на Руси, так и в средневековой Европе[2]. Кабальные соглашения подлежали централизованной регистрации, копии направлялись в Москву в Казенный приказ. Учетные книги содержали полный текст кабального соглашения, опрос закабаляемых на предмет причины закабаления, описание примет закабаляемых на случай их последующего бегства и розыска[3].

«КОГОТОК УВЯЗ — ПТИЧКЕ ПРОПАСТЬ»

Рост ссудного процента со стороны землевладельцев, достигавшего во времена Ивана Грозного 20%, и введение непосильной неустойки в виде «пожилого» в случае досрочного расторжения договора фактически к концу XVI века прочно прикрепили крестьян к земле. Невозможность ухода без возвращения ссуды и уплаты неустойки по суду превращала крестьянина в пожизненного и бесправного холопа. Право крестьянского выхода к этому времени свелось к двум альтернативам: бегству от господина с перспективой розыска и возвращения к прежнему владельцу или к переходу к другому господину в случае погашения им долгов крестьянина, что вело к еще большему объему крестьянской задолженности. Уже к концу XVI века среди землевладельцев стал утверждаться взгляд на крестьян как на безнадежных должников, не имевших возможности прекратить свою зависимость от господина[4].

Барщина в Древней Руси вышла из объединения договора найма на работу на земле с договором денежного или натурального займа. Ссуда стала обычным условием поземельных крестьянских договоров. Очень показателен дошедший до нашего времени договор, заключенный в 1585 году двумя крестьянами с монастырем на три «льготных» года. За эти три года крестьяне, севшие на запустелую монастырскую землю, взяли на себя обязательство поставить свои «хоромы», обзавестись двором, распахать и унавозить запустевшую пашню. За это они получили 5 руб. ссуды. Если бы они захотели уйти, не исполнив обязательств, они должны были по договору вернуть 5 руб. ссуды, оплатить расходы за проживание и заплатить 10 руб. неустойки[5]. Следует иметь в виду, что в то время сумма в 5 руб. являлась очень значительной. Пуд соли стоил 1.5 копейки, а центнер ржи — около 5 копеек[6]. Очевидно, что такие условия ссуды просто были непосильными для крестьян и превращали их экономическими методами в постоянных крепостных, хотя юридически они все еще считались свободными людьми.

«ВНУТРЕННИЕ ОФШОРЫ» И БОЯРСКАЯ «КРЫША» НА РУСИ

В Средние века и в начале Нового времени в холоповладельческом крепостном обществе Русского государства, как и в Западной Европе, в юридический состав понятия личной свободы входило право свободного лица отдать свою свободу на время или навсегда другому лицу без права прекратить эту зависимость по своей воле. На этом праве и основывались различные виды древнерусского холопства. До принятия Соборного уложения 1649 года существовала личная зависимость без крепостного характера, создававшаяся личным «закладом». «Заложиться» за кого-либо означало в то время отдать свою личность и труд в распоряжение другого в обеспечение ссуды или в обмен на какую-либо другую услугу, например за льготу по государственным налогам или судебную защиту, сохраняя право прервать эту зависимость по своему усмотрению, расплатившись по обязательствам. Такие зависимые люди назывались в Московском государстве закладчиками. Заем, обеспеченный своей работой, был для бедного человека в Древней Руси часто наиболее выгодным способом «инвестирования» своего труда. Закладничество, не являясь холопством, тем не менее получало холопью льготу, свободу от государственных податей и повинностей. Свободный человек, попадая в холопы или в закладчики у боярина, пропадал для государства, и для многих бедных русских людей закладничество было выходом из бедственного положения. На этой основе в России конца XVI — начала XVII столетия широкое распространение получила практика фиктивного закладничества посадских торговых и ремесленных людей за бояр, патриарха, епископов, монастыри. Суть этой операции, в отличие от личного заклада крестьянина, который неизбежно приводил его к крепостной зависимости, заключалась в подписании «договора заклада» без займа или с фиктивным займом с «сильным человеком», привилегированным крупным землевладельцем, посадские люди которого освобождались от государственного «тягла» (повинностей). Часто такие фиктивные договоры заключались с монастырями. Продолжая заниматься своими промыслами, не платя государственных податей и избегая государственных повинностей, этот слой успешно обогащался и быстро превращался практически в капиталистов[7]. Во все эпохи государство стремилось бороть-

[1] Ключевский В.О. Сочинения. —Т.3. — М., 1988. — С. 155.

[2] Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. 2-е изд. — Челябинск: Социум, 2004. — С. 298–299.

[3] Российское законодательство X–XX веков. В 9 т./ Под ред. О.И. Чистякова/ Законодательство Древней Руси. —Том 2.— С.16–18, 52–53, 88–91, 141,161–162, 165, 167–168.

[4] Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. 2-е изд. — Челябинск: Социум, 2004. — С.279-283.

Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. — Т. 6. Специальные курсы. — М., 1989. — С. 361.

[5] Ключевский В.О. Сочинения. — Т. 2. — М., 1988. — С. 301.

[6] Ключевский В.О. Сочинения. — Т.8. — М., 1990. — С. 74.

[7] Ключевский В.О. Сочинения. — Т.3. — М., 1988. — С. 150–151.

ся с этим явлением, поскольку исчезновение податного класса наносило серьезный ущерб государственным доходам. Именно этим вызван древний шумерский «закон о свободе», завет Моисея освобождать из долгового рабства на седьмой год, это явление привело к упадку Китая во II веке нашей эры. Русские цари XVI–XVII веков, стремясь распространить государственное «тягло» на максимально широкие слои податного населения, неоднократно принимали жесткие законы против закладничества, карающие за это государственное преступление смертной казнью. Борьба с фиктивным закладничеством началась еще с Судебника 1550 года, продолжилась в XVI–XVII веках, Соборное уложение 1649 года грозило закладчикам кнутом и ссылкой в Сибирь, возвращением в посады и новым тяглом. Принимающим закладчиков грозила конфискация земель и опала. Отмена закладничества и возвращение в государственное «тяглом» вызвало в 1649 году бунт закладчиков в Москве[1].

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ИНСТИТУТА КРЕПОСТНИЧЕСТВА

Со второй половины XVI века в российском государственном праве установилось правило, согласно которому все сословные обязанности становятся неукоснительными и наследственными. Это вызвало фундаментальный сдвиг во всех гражданско-правовых обязательственных отношениях: личные обязательства, вытекающие из гражданских сделок, оказались не прекращаемыми до истечения срока, на который были заключены. В Московском государстве установилось правило, что гражданские обязательства, принимаемые на известный срок, не прекращаются по воле обязанного лица даже путем уплаты неустойки, то есть такое лицо становится крепостными.

В отличие от полного холопства долговое закладничество было личной зависимостью, возникавшей из займа с обязательством условной временной службы за проценты и с правом слуги прекратить свою зависимость путем возврата долга. Как показывает анализ Судебников, с конца XV века утверждается порядок, при котором личная и условная служба за долг делает слугу холопом, как только слуга временно или навсегда лишается права или возможности прекратить свою зависимость. В результате этого закладничество постепенно превратилось в кабальное холопство. Под давлением общего законодательного принципа непрекращаемости личных частных обязательств закладники, первоначально занимавшие деньги на год, давали обязательство заимодавцам вместо выплаты процентов служить все это время без права прекращать службу до истечения срока. Огромное большинство таких временных «годичных крепостных» по истечении срока не имело возможности выплатить долг и выйти на волю. Заимодавцы стали применять к ним правило древнерусского закладного права, согласно которому просроченный долг давал право продажи должника. Закладник, не рассчитавшийся с долгом в срок, считался продавшим сам себя в полное холопство. Таким образом, временно обязательственные отношения теперь превращаются в крепостные отношения, не прекращаемые по воле зависимой стороны. В этой перемене, произошедшей в обязательственном праве Московского государства той эпохи, и заключается скрытый источник крепостного права и превращения русского крестьянства в крепостных рабов, что имело трагические и долговременные последствия для всей дальнейшей истории России[2].

Окончательное юридическое оформление крепостничества, экономической основой которого явилась ссудная задолженность крестьянства и закладничество, состоялось накануне Смутного времени и явилось одной из его основных причин. Произвол власть имущих, абсолютизм высшей государственной власти по отношению ко всем классам тогдашнего русского общества, особенно ярко проявившийся в царствование Ивана Грозного, привели к возникновению своеобразного социально-экономического строя Московского государства, который получил название «тяглового». «В московском государственном порядке господство начала повинности оставляло слишком мало места частным интересам, личным или сословным, принося их в жертву требованиям государства»[3]. Именно «тягловый» характер экономического устройства Московского государства стал основной социально-экономической причиной Смуты, поставившей под угрозу само его существование.

СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК, ПОПАДАЯ В ХОЛОПЫ ИЛИ В ЗАКЛАДЧИКИ У БОЯРИНА, ПРОПАДАЛ ДЛЯ ГОСУДАРСТВА, И ДЛЯ МНОГИХ БЕДНЫХ РУССКИХ ЛЮДЕЙ ЗАКЛАДНИЧЕСТВО БЫЛО ВЫХОДОМ ИЗ БЕДСТВЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

[1] Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. 2-е изд. — Челябинск: Социум, 2004. — С.338–339.

[2] Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. —Т. 6. Специальные курсы. — М., 1989. — С.353–359.

[3] Ключевский В.О. Сочинения. —Т. 3. — М., 1988. — С. 51–52.